

Даже в первоисточнике Генрих всегда вел себя и говорил грубо и высокомерно, что всегда выводило Сислина из себя и вызывало еще больше разрушений.

Когда я читала роман, честно говоря, такие персонажи мне правда нравились.

Меня влекло к высокомерным и грубым героям.

Но...

Сложно было смотреть, как мой любимый упрямец встает на «путь страданий» прямо у меня на глазах.

— Я не дружу с грязными ублюдками.

Ах. Пожалуйста, хватит.

Но этот проклятый чихуахуа не умел держать свой темперамент под контролем.

Генрих только ухмылялся, а затем, наконец, он подошел и толкнул Сислина.

— Сестра моя, пошел вон.

— Генрих!

Подумав об этом, я остановила его.

В течение этого времени Генрих практически забрал меня в свою полную собственность в Саду. Я должна была заботиться только о Генрихе, который был особенно чувствителен и придиричив и любил прятаться от всех.

Не в этом ли причина?

Генрих выглядел, как злой кот-вожак, заметивший, как новая кошка проникает на его территорию.

Поскольку Сислин обладал низкой самооценкой и был интровертом, вероятно, он был шокирован поведением Генриха.

«Я не могу...»

Однако мои ожидания и реакция Сислина оказались диаметрально противоположными.

Сислин не дал себя оттолкнуть, он крепче сжал мою руку и посмотрел на Генриха.

Затем он тихо спросил, моргая рубиново-красными глазами:

— С чего это Аннетт - твоя?

— ...

Когда Сислин так спокойно задал этот вопрос, Генрих на мгновение словно онемел, что не походило на его обычную уверенность в себе.

— Потому, потому... — уши Генриха покраснели. — Потому что я, когда вырасту, женюсь на сестре!

Я удивилась, услышав это.

Я на такое не соглашалась!

Сислин неподвижно смотрел на Генриха, как бы тот ни шипел ему в лицо. Затем он спокойно ответил:

— Обычно сестрам и братьям нельзя жениться друг на друге.

— Я!..

Фиолетовые глаза Генриха шокированно моргнули. Он моргал так, словно у него случился короткий когнитивный диссонанс. Затем он поспешно схватил меня за рукав и серьезно спросил:

— Сестра, это правда? Если я буду звать тебя сестрой, то нам нельзя будет пожениться?

— Эм, ну...

Я неловко отвела взгляд.

«Дети, вы считаете, что это единственная причина, по которой нам нельзя жениться?»

Когда я не дала четкого ответа, Генрих сменил направление атаки, поспешно ткнув в Сислина указательным пальцем.

— Но почему этот ублюдок не зовет тебя сестрой? Ему должно быть меньше двенадцати!

В Саду я, двенадцатилетняя, была самой старшей. Для того, чтобы пересчитать прожитые годы, мне хватило бы пальцев на двух руках и еще двух пальцев, но здесь я была самой старшей. Сислину и Генриху было по одиннадцать.

«Хм-м, этот протест обоснован».

Он называл меня просто «Аннетт», и мне нравилось это слышать, так что я не обращала внимания... Да и нечестно было бы настаивать на чем-то другом...

Но ради примирения с этим нужно было разобраться.

— Генрих прав. Сислину лучше было бы называть меня сестрой.

Сислин посмотрел на меня красными глазами, сверкающими между прядей черных волос. Затем он мягко уткнулся приятно пахнувшей головой в мое плечо и закрыл глаза.

Он прошептал сладким, как спелая ягода, голосом, и его лицо вспыхнуло:

— Сестра...

В мгновение ока я вспыхнула, как вишневая конфета. Безумец, он соблазнил бы всех «старших сестер» мира.

«Такой милый. Наш малыш».

Генрих, смотревший на него, наконец, сел на место и разразился гневом:

— Эй, лучше зови ее как раньше!

* * *

Мне удалось успокоить Генриха, который не мог взять свой гнев под контроль, и отослать его в гостиную.

Он устроил сцену, расставаясь со мной, но тут я сказала:

— Я сегодня уложу тебя спать, обещаю.

Генриху особенно нравилось, как я его укладываю, так что он стал снова и снова спрашивать меня:

— Правда?

Затем он осмотрел комнату, как кошка, покидающая вкусную рыбу.

— Ух ты...

Я подумала, что сейчас случится что-то важное.

Я похлопала Сислина по плечу и прошептала:

— Он так говорит, но на самом деле его сердце доброе.

Хотя он и был к тебе зол в оригинале.

— Все дело в том, что его сердце так же изранено, как и у тебя, Сислин.

Если бы он рос в любви, то не стал бы таким ревнивцем.

Я понимала всю историю Генриха, но с точки зрения Сислина тот оказался очень злобным ребенком.

«Первое впечатление у каждого сложилось хуже некуда. Как с этим быть?»

Пока я всерьез размышляла, Сислин, все еще сидевший в кресле, спросил меня:

— Аннетт... Этот Генрих, он тебе нравится?

— Да.

В ответ на мой решительный ответ Сислин медленно опустил глаза и с омрачившимся лицом произнес:

— Понятно.

И тут...

Стук...

За дверью слышались шаги.

Эм, вот странно? Об этой комнате знали только я, Сислин и Генрих. Генрих вернулся?

Я медленно подошла, открыла дверь и выглянула в коридор.

Шух...

Затем я быстро заметила тень, завернувшую за угол коридора, и сглотнула слюну.

— Генрих?

Никто не ответил.

«Не стоит задерживаться тут надолго».

Каким ни был бы просторным особняк, тут было на удивление мало мест для прятков. Вокруг было много детей и много глаз, так что, если задержишься в одном месте надолго, то тебя могут найти в любой момент.

Прошло всего несколько дней, но безопаснее было бы перемещаться.

«За три дня я должна решить, где спрятать Сислина».

Размышляя дальше, я быстро встряхнула головой.

«Нет, чем скорее, тем лучше... Да, мы переместимся завтра».

<http://tl.rulate.ru/book/80642/2549928>